

Под колёсами Первой мировой

К 100-летию 1914 года

Испортил нас кровавый XX век. В Великой Отечественной войне мы потеряли практически десятую часть населения нашей страны. На этом фоне 1,7 млн потерь в Первую мировую (грубо говоря — 1/100 населения) кажутся незначительными. Уже последовавшая за ней Гражданская унесла в 5 раз больше. Вообще той первой войне не повезло. Даже Русско-Японская оставила о себе большую память: мы знаем про оборону Порт-Артура, до сих пор помним Цусиму и поём «Варяга». А что вы можете сказать про 1914-й год, кроме того, что некий серб застрелил некоего австрийского эрцгерцога в каком-то Сараеве?

История — что дышло...

«Увы, и в России Первая мировая война в разное время освещалась по-разному, в зависимости от идеологии. В советское время, чем ближе к революции, тем более негативно описывались военные подвиги российских солдат. Тут социалистическая революция на дворе, а они всё ещё воюют за веру, царя и Отечество. Хорошо хоть наиболее одиозные оценки — что Россия была колониальной империей, а её солдаты играли роль колониальных солдат — в конце 30-х годов были скорректированы, и многие из тех, кто ранее обличал Россию как тюрьму народов, оказались в местах не столь отдалённых.

В современной зарубежной историографии борются две противоречивые тенденции. С одной стороны, западный мейнстрим считает, что военная дипломатическая история вообще исчерпана, и нужно переключаться на другие проблемы: изучать сексуальные меньшинства, гендер и т.д. С другой стороны, в преддверии 100-летия Первой мировой войны начинают предприниматься попытки пересмотра и её итогов. По крайней мере ряд известных кембриджских и оксфордских профессоров открыто заявили о том, что необходимо пересмотреть истоки Первой мировой войны и сделать виновными Россию и Сербию».

Уроки столетнего забвения

«Первые, кто запомнился немцам, были именно сибиряки. Чем запомнились? Тем, что знали, для чего пришли на войну: добраться до немца и поднять его на штыки. Формулировка «особая беспощадность сибирских корпусов» указывает на то, что вообще-то являлось целью раннего труда: воевать, чтобы победить.

Второй урок: мы не должны посылать голову пеплом и говорить себе, что Россия хуже всех. Россия проиграла — а точнее досрочно вышла из войны — не потому, что у неё было мало ресурсов, а потому что этих ресурсов оказалось слишком много. Когда всего много, возникает и повышенная вероятность ошибки.

Конечно, крайне своевременным экзаменом перед Первой мировой была Русско-Японская война, после которой, по признанию известного военного классика А. СВЕЧИНА, боеготовность русской армии повысилась на 300%. Не будь этого негативного опыта, Россия могла быть просто раздавлена в первые месяцы Первой мировой войны. Тогда как если кто и прославился тактической отсталостью, то как раз германские и австро-венгерские войска.

Но в разных странах будут происходить, и они неизбежны, проявления исторического реваншизма. И хорошо бы нам выработать дружелюбный подход к собственной истории. Почему о Первой мировой мы рассуждаем так снисходительно и пренебрежительно, в то время как подобный тон о войне 1941–45 годов для нас является преступлением? А ведь Первая мировая для современников именовалась Второй Отечественной (после войны 1812 года) и Великой войной.

В спорах с оппонентами нам нужна опора на факты, беспристрастность, и это будет главный козырь. Тот же Свечин сказал такую мысль: политика эгоизма удавалась России гораздо хуже, чем политика самопожертвования. Возможно, потому что самопожертвование непредсказуемо, оно не просчитывается. А поскольку остальные делают по шаблону, Россия побеждает».

После доклада мы обратились к П.А. Новикову с рядом вопросов.

— Почему войну 1914–1918 гг. в нашей стране предпочли предать забвению? Её итоги так постыдны?

— Она была заслонена произошедшей революцией. Что касается итогов... Победил-то тот блок стран, в котором Россия начинала войну.

— То есть у нас были все предпосылки, чтобы её выиграть? — Да. Известна цитата того же ЧЕРЧИЛЛА, который сказал: самую злую шутку судьба сыграла с Россией. Все жертвы уже были принесены, вся работа сделана. Корабль потерпел катастрофу, когда до пристани было рукой подать.

А венгерский канцлер граф БЕТ-ЛЕН ещё откровеннее высказался в 1934 году: если бы в 1918-м Россия осталась организованным государством, то русский флаг доминировал в юго-восточной Европе. То есть такие страны, как Болгария, Румыния, Венгрия были бы просто русскими губерниями.

— Может, поэтому подсознательно и не хочется вспоминать ту войну, что не воспользовались плодами практически лежащей в кармане победы... Вся страна была втянута в войну? И насколько тяжёлыми были потери?

— Население России составляло свыше 170 млн человек, из них 17 млн были призваны. Погибло около 1,7 млн, т.е. каждый десятый от призванных, каждый сотый от населения.

Вторая мировая война долю призванных увеличивает вдвое при примерно том же населении. Свыше 30 млн было призвано, и по сибирским регионам, которые понесли наибольшие потери, погиб каждый второй. И в народной памяти первая война, конечно, была легче. По крайней мере такого, что из села ушли все мужчины и никто не вернулся — не было.

К началу 1917 года перевес очевидно был на стороне Антанты. Исследователи высказывают мысль, что даже если бы ничего не делать, то есть не наступать, не вести боевые действия, — Германия и её союзники всё равно были бы вынуждены капитулировать из-за нехватки ресурсов.

Но сейчас в научной литературе дискутируется и вопрос об участии союзников России в революционных событиях: не было ли у них соблазна, получив от России необходимую помощь, не делиться с ней победой?..

— Тут, кажется, и дискутировать нечего — всем было выгодно ослабить Россию.

— Но не переоцениваем ли мы их? Были ли у них такие возможности и влияние? А если да, то кто? Не было ли это попыткой ослабить не только Россию, но и Францию (то есть чей след больше: англичан, немцев)? Или всё-таки сработали внутренние силы?

У меня есть такое сравнение. Представим себе, что группа студентов едет за город на электричке. Вдруг им приходит в голову, что музыка не та, машинист слишком держит на остановках, медленно едет, вообще некомфортно. И вот часть студентов врывается в кабину, выбрасывает машиниста, то бишь царя, и начинает сама управлять электропоездом. Причём первое, что делает, — за ненадобностью уничтожает тормоза. И через какое-то время поезд терпит крушение. А когда в обществе начинается разбор полётов, то виноват, по иронии судьбы, машинист — зачем дал себя выкинуть. Только так я могу прокомментировать те версии, что Россия сама не решила какие-то задачи под руководством царя, а все остальные — революционеры в том числе — уже имели дело с этой ситуацией.

Безусловно, все страны устали от войны. Во Франции восстания солдат, неподчинение приказам начались ещё раньше, чем у нас, и были более массовыми.

— Во Франции вообще скорее чтят память Первой мировой, чем Второй, и потерь французы тогда понесли больше...

— Это так. Но за год до окончания войны их демократическое правительство было вынуждено прибегнуть к карательным мерам — в связи с тем, что войска не выполняли приказ; по жребию тогда расстреливали каждого десятого. Или, скажем, солдат отказывался надеть сапоги с убитого, и его за это расстреливали. Причём после войны эти люди долгое время считались военными преступниками, и было целое движение, когда родственники требовали их реабилитации.

Конечно, для Англии, Франции, даже отчасти США эта война была настолько кровопролитной и необычной, что они не желали её повторять. И это отчасти объясняет то, что Франция не стала воевать во Вторую мировую, а сразу капитулировала перед Гитлером. Франция берегла своих солдат и в Первую мировую, и русских офицеров возмущало, когда французы давали понять, что для истории, культуры русский солдат не представляет такой ценности, как французский, более образованный. Россию рассматривали как резервуар человеческого материала, своеобразных белых негров.

— Это же был знаменитый Самсоновский прорыв, который приветствовался как успех, только мы не смогли его закрепить?

— Противник ожидал, что русская армия может мобилизоваться только на 30–40-й день, а эти армии перешли границу на 17-й день и вторглись в Германию. По большому счёту это поражение было неизбежным как меньшее из возможных зол. Россия, учитывая предыдущие взаимоотношения с Францией, очень опасалась, что Франция может быстро проиграть войну. А Россия в 1914 году имела серьёзное преимущество — 7/8 германских сил были направлены против Франции. Но это Францию не извиняет, потому что истеричные телеграммы в Россию о помощи, требование быстрого наступления Самсонова и вообще призывы соби-

Форум был интересен не только историкам

Когда его стало сложно обеспечивать — началось недовольство.

— А что каждый житель России должен знать про Первую мировую? Честно говоря, вроде изучали это в школе, но никаких ярких её событий не знаем...

— Их не так много. Начало войны отмечено патриотическим подъёмом, причём парадоксально, что это касается и национальных окраин, в частности Польши. Командование было убеждено, что в приграничных районах население по мобилизации не явится. А они пришли, и пришло много добровольцев, потому что Россия считалась более предпочтительной властью, чем Германия. Немцы всегда более активно ассимилировали и подавляли.

В 1914 году было две крупные вехи. Это Галицийская битва, когда четыре русские армии добились победы над австрийцами в Галиции. Кстати, в современных границах — это Западная Украина. И здесь важно подчеркнуть, что тот современный антирусский национализм на Украине как миф был сформулирован в недрах австрийского генерального штаба до и во время Первой мировой войны. Австрийцы активно пестовали националистов, параллельно массово истребляя ориентированную на Россию интеллигенцию. То есть там был террор, концлагеря. И те подданные Австро-Венгрии украинцы, которые имели прорусские настроения, просто физически уничтожались.

Так вот, наши четыре армии добились победы во встречном столкновении в Галиции, и есть крылатая фраза из фольклора «И надолго я запомню галицийские поля, где достались мне в награду два клиновья костыля». То есть в народной памяти Галиция была основным театром войны.

Второе важное событие той войны — две русские армии САМСОНОВА и РЕННЕНКАМППА последовательно потерпели поражение в Восточной Пруссии.

— Это же был знаменитый Самсоновский прорыв, который приветствовался как успех, только мы не смогли его закрепить?

— Противник ожидал, что русская армия может мобилизоваться только на 30–40-й день, а эти армии перешли границу на 17-й день и вторглись в Германию. По большому счёту это поражение было неизбежным как меньшее из возможных зол. Россия, учитывая предыдущие взаимоотношения с Францией, очень опасалась, что Франция может быстро проиграть войну. А Россия в 1914 году имела серьёзное преимущество — 7/8 германских сил были направлены против Франции. Но это Францию не извиняет, потому что истеричные телеграммы в Россию о помощи, требование быстрого наступления Самсонова и вообще призывы соби-

рать силы и идти на Берлин — все эти телеграммы начались ещё до первой встречи французских войск с германскими. И не будь этих попыток задержать русское командование — боевые действия могли разворачиваться по-другому.

Представьте себе: ещё две недели назад солдат пахал у себя в деревне землю, а тут ему дали винтовку — войей. Произойди это спустя пару месяцев — у немцев вообще ничего бы не получилось, просто потому, что начальники узнали бы своих подчинённых, подчинённые научились выполнять приказы и т.д. Но тем не менее у исследователей сложилось мнение, что даже неудача Самсонова предопределила победу Антанты, потому что не допустила разгрома Франции.

Довольно суровой была и наша кадровая политика: генералов отстраняли от командования, не всегда справедливо, и это тоже была психологическая война. Немцы вполне сознательно и этот шанс навредить не упускали. Распустили враждебные мифы. Например, что Ренненкампп не помог Самсонову из личной неприязни. Просто стремились устранить этого грамотного генерала и опасного противника...

Вообще, в первый год войны немцы читали все наши приказы и знали о всех наших намерениях — в связи с несовершенством шифровальной техники приказы передавались по радио открытым текстом.

— Невероятно...

— Как только с этим было покончено — сразу успешность их операций уменьшилась.

Вообще немцы о нас отзывались гораздо более лестно, чем мы о себе. За ту же привычку доходить до штыка.

Или, скажем, немцы считали невозможными в XX веке конные атаки — а у нас они были, и многие прославились. Немецкие части, которые вели военные действия на восточном фронте, их было меньше, чем на западном, но они несли большие потери. Скажем, гвардейский прусский корпус на восточном фронте за лето 1915 потерял 175% личного состава, то есть практически два состава убило. В России тоже в среднем из полка, который насчитывает 4 тысячи, вышло 16 тысяч убитыми и ранеными. В окопах уже сидел пятый состав.

Примеров доблести было много... Но слишком много факторов сошло, которые не позволили нам завершить начатое победой.

— В каких произведениях художественной литературы Первая

мировая нашла наиболее верное отражение?

— К сожалению, богема наша, творческая интеллигенция как-то не откликнулась на войну. Но есть очень много воспоминаний, которые лучше всяких художественных повестей и романов передают драматизм того времени.

В частности, Б. СЕРГИЕВСКИЙ в «Пережитом» описывает события в Восточной Пруссии. Потом есть книга «Дроздовцы в огне», она больше посвящена Гражданской войне, но в том числе рассказывает об атаках сибирских стрелков, когда они надевали старые чёрные дедовские иконы на грудь и очень не любили, когда им ставили в пример гвардию. Эмигрантские воспоминания для меня очень ценны, потому что люди в нищете, в изгнании, переборов свою главную боль — Гражданскую войну, потерю Родины — всё же оставляли объективные описания, сохраняли факты...

Много было стихов. Например, по одной из версий, слова будущей песни «Вставай, страна огромная...» родились ещё в Первую мировую войну. Неспроста ведь во Вторую мировую были взяты те же термины: и Отечественная война, и Великая... У большевиков во главе со СТАЛИНЫМ проходила метаморфоза. И когда в 1945 году начиналась война с Японией, Сталин сказал: наше поколение несколько десятилетий ждало этого реванша. Это из уст революционера, который тогда-то должен был радоваться поражениям царизма...

— Правда, что будёновки тоже шили ещё в царской армии?

— Есть документы, которые говорят о том, что в 1917 году началась заготовка новой формы, были объявлены конкурсы, и ВАСНЕЦОВ разработал эти головные уборы, первоначально называемые «богатырки» — по образцу доспехов русских богатырей; часть этой формы была пошита и лежала на складах. Ведь известен факт, что при 17-миллионной армии в России было изготовлено 60 миллионов шинелей. То есть огромное количество!

И форма, которую взяли себе чекисты, — это тоже была форма царских автомобильных и авиационных частей. Им шились кожанки, чтобы не продувало при большой скорости...

— С войной 1941–45 гг. практически у каждой семьи в России связана трагическая история. А с Первой мировой? В вашей семье есть фамильная история?

— Мой прадед Михаил — дед отца — был призван в 1916 году. Он прожил в Забайкалье и фактически единственный из района был призван, потому что соседи числились инородцами, тунгусами, а он записан мешанином. И он рассказывал историю,

как австрийцы их отсекали, наступая по горам, а они отошли к своим по тоннелю узкоколейной железной дороги. И мы с отцом в 1986 году поехали в те места в Восточных Карпатах, та дорога осталась...

А второй прадед Иван СТАЙКОВ, по маминной линии, поставлял лошадей, то есть сопровождал вагоны, в которых из Сибири лошадей перевозили на кавказский фронт.

Так что воевал один прадед, а в Великую Отечественную он снова был призван, плюс его три сына и дочь. То есть уже пятеро от семьи воевали. Что он не доделал в 1916 году — обернулось более драматично. Он говорил: у Серёги и Миши — моя судьба, солдатская... К счастью, все вернулось.

Сейчас мы с коллегами обсуждаем, почему войска всех окраин — не только российских, но новозеландские, австралийские — почему они проявили более высокие боевые качества, чем метрополия...

— Есть ответ? — Из области психологии, наверное. Наше шутливое высказывание: «тайга — закон, прокурор — медведь» — и такие вещи помогают на войне.

— А информационная война заключается в тотальности или в выдумывании выгодных мифов? Почему бы нам не начать проталкивать свои трактовки?

— Когда империи распадаются на ряд государств, неизбежно появление в каждой стране своего учебника истории. Ведь это же инструмент. Было бы удивительным иное. И теперь в Грузии говорят даже, что в 1941–1945 гг. их уничтожали специально руками немцев...

Но наша страна даёт и обратные примеры. В СССР, чтобы лишний раз не будить джина, в 1980 году не стали широко праздновать юбилей Куликовской битвы, — вероятно, дабы не обидеть татар. Но когда страна распадается, эта прежняя осторожность оборачивается против нас.

Для меня диковинкой было то, что появились историки, которые даже в войне 1812 года становятся на точку зрения Наполеона. А уж говорить о том, что у нас есть германофиль применительно к Первой мировой войне... Они подбирают и высказывают факты, где мы очень невыгодно отличаемся. И опять же это объяснимо психологически. Представьте себе исследователя, который знает язык, читает немецкие источники — он уже поневоле начинает становиться на точку зрения противника.

Научная дискуссия порой переходит в зеркально противоположную. А на научных конференциях за рубежом, допустим, приглашаются только страны германского блока.

Надо принять это как данность. Но опора на факты — это сила.

Валентина ЕФАНОВА